

Владимир Кожевников

Ткачи

Молчания



Владимир Кожевников

Ткачи Молчания

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Ткачи Молчания / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Лиандра — ксенолингвист, посвятившая жизнь расшифровке мёртвых языков. На станции «Офелия» она изучает руины исчезнувшей цивилизации, пока буровой комплекс не обнаруживает в глубинах планеты нечто невероятное: живое существо, которое не говорит, но ткёт из света и тишины узоры, меняющие пространство. Лиандра пытается вступить в контакт, но её речь для существа — разрушительный шум. Чтобы понять его, ей придётся научиться молчать. Однако коллеги видят в находке лишь опасный артефакт, и время работает против неё. Чем глубже она погружается в молчаливый язык ткача, тем сильнее меняется сама — и тем яснее понимает, что этот контакт изменит всё.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шёпот камня	5
Глава 2. Первое молчание	7
Глава 3. Слова как оружие	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Кожевников

Ткачи Молчания

Глава 1. Шёпот камня

Станция «Офелия» висела в чёрной пустоте над планетой, чьё имя было стёрто из всех звёздных каталогов задолго до того, как человечество научилось писать. Лиандра стояла у панорамного окна обсерватории, прижав ладонь к холодному стеклу, и смотрела вниз — туда, где сквозь рваные облака, окрашенные метаном в цвет старой крови, проступали очертания мёртвых городов.

Она называла их городами, хотя от них остались лишь фундаменты да редкие шпили, торчащие из грунта, как сломанные пальцы великана, погребённого в камне. Тысячу лет назад здесь жила раса, не оставившая ни письменности, ни фресок, ни даже черепков — ничего, кроме этих странных сооружений и тонких кристаллических нитей, пронизывающих породу на глубину до трёх километров. Нити не поддавались анализу. Они не проводили ток, не отражали свет, не реагировали ни на какие известные науке излучения. Они просто были — и молчали.

Лиандра посвятила этим нитям двенадцать лет. Двенадцать лет ежедневных попыток заставить камень говорить. Двенадцать лет тишины в ответ.

Она научилась ненавидеть тишину. И бояться её.

— Доктор Веласкес, — раздался голос из интеркома. — Центр управления на связи. У нас... проблема.

Голос принадлежал Томасу Ли, молодому технологу, чья обычная невозмутимость сейчас дала трещину.

— В чём дело? — Лиандра не обернулась.

— Буровой комплекс на отметке «минус семь». Они пробили пустоту.

Она наконец повернулась. Пустота на такой глубине означала либо карстовую полость, либо... Она не додумала мысль. Уже спускалась в лифтовой шахте, натягивая на ходу защитный комбинезон.

— Зачем они вообще бурили на семи километрах? — спросила она, когда Томас догнал её у лифта.

— Плановые работы. Георазведка. Искали... — он запнулся. — Искали новые нити. Комиссия по ресурсам хочет понять, можно ли их использовать.

Лиандра усмехнулась. Использовать. Как будто нити были рудой. Как будто тишину можно было добывать.

Буровая платформа «Гея» представляла собой лабиринт металлических конструкций, вгрызающихся в скальное основание планеты. Когда Лиандра вышла из лифта, её встретил запах горячего камня и озона. Инженеры столпились у мониторов, переговариваясь вполголоса.

— Показывайте, — сказала она.

Томас вывел на главный экран изображение с камеры бура. Сначала ничего — серая муть, обычная для глубоких слоёв. Потом камера опустилась ниже, и Лиандра увидела.

Пространство. Огромное, освещённое изнутри мягким серебристым светом. Стены пещеры были покрыты узорами — не нарисованными, не вырезанными, а словно бы выткан-ными из самой материи камня. Линии переплетались, образуя сложные симметрии, которые её глаз не мог удержать дольше секунды: стоило сфокусироваться, и рисунок менялся.

А в центре, на возвышении из того же светящегося камня, сидело существо.

Лиандра почувствовала, как её сердце пропустило удар. Существо было высоким — около трёх метров, — и его тело напоминало одновременно и насекомое, и растение: сегментированное, покрытое тончайшими волосками, переливающимися всеми оттенками от серебряного до глубокого фиолетового. Головы как таковой не было — лишь гладкий купол, увенчанный спиралевидным гребнем. Рук тоже не было. Вместо них из плечевых сочленений тянулись длинные, гибкие пряди, что ткали.

Они двигались в воздухе, эти пряди, сплетая невидимые нити. И там, где они проходили, пространство вокруг начинало мерцать, искажаться — как будто реальность становилась тканью, которую можно перекроить.

— Оно живое, — прошептал Томас.

Лиандра не ответила. Она смотрела на существо, и существо — если у него были глаза, — смотрело на неё. Камера транслировала изображение, но Лиандра готова была поклясться, что чувствует этот взгляд кожей.

Существо подняло одну из прядей и медленно, очень медленно, провело ею в воздухе. Свет вокруг него дрогнул, сложился в узор — и Лиандра увидела, как на стене пещеры, в трёх километрах под землёй, появилась новая линия.

— Отзовите всех, — тихо сказала она. — Никто не спускается туда без моего разрешения.

— Доктор, — вмешался один из инженеров, седой мужчина с нашивками старшего геолога. — Это существо. Оно опасно. Мы не знаем, на что оно способно. Вы предлагаете идти туда одной?

— Я предлагаю не посылать туда людей, которые не понимают, с чем имеют дело.

— А вы понимаете?

Лиандра посмотрела на экран. Существо снова двигало прядями — медленно, ритмично, словно дышало светом.

— Нет, — сказала она. — Но я единственная, кто пытался понять.

— А вы? — спросил Томас, когда она направилась к лифту. В его голосе было что-то, чего Лиандра не слышала раньше. Страх. Не за неё — за себя. За всех них.

— Я спущусь.

Она сказала это прежде, чем успела подумать. И только потом, уже стоя в лифте, ощутила, как дрожат руки. Двенадцать лет она искала голос в тишине. Теперь тишина смотрела на неё в ответ.

Глава 2. Первое молчание

Лифт опускался в тишине. Не в обычной — в той, что давит на барабанные перепонки, превращает собственное дыхание в оглушительный шум. Лиандра слышала, как бьётся её сердце. Слышала, как скрипит трос. Слышала, как где-то далеко, наверху, остаётся мир, где люди говорят, спорят, смеются.

Здесь, на глубине семи километров, говорить не хотелось.

В ухе тихо щёлкнул передатчик.

— Доктор Веласкес, слышите меня? — голос Томаса, искажённый помехами.

— Слышу.

— Камеры работают. Мы видим вас. Если что-то пойдёт не так...

— Я знаю, Томас.

Она отключила передатчик. Не из грубости — просто голос в ухе мешал. Мешал чувствовать.

Шахта закончилась. Лиандра вышла в тоннель, пробитый буром, — узкий, с оплавленными краями, пахнувший раскалённым камнем. Свет её фонаря скользил по стенам, но стены были пусты. Никаких узоров. Пока.

Она шла долго. Тоннель изгибался, сужался, расширялся, и наконец вывел её в пещеру.

Лиандра остановилась.

Свет. Не тот, что от фонаря, — живой, дышащий, серебристый. Он исходил от стен, от пола, от каждой линии узора, покрывающего камень. Узоры двигались. Медленно, как водоросли в воде. Лиандра смотрела на них, и ей казалось, что она чувствует что-то — не слышит, а именно чувствует. Вибрацию. Только не в ушах, а в костях.

Существо сидело в центре. Оно не двигалось. Его пряди были сложены вокруг тела, как крылья спящей птицы. Купол головы слегка наклонился — к ней? К полу? Лиандра не могла понять.

Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один.

И тогда существо подняло пряди.

Они развернулись медленно, как цветок навстречу солнцу. Свет вокруг них стал ярче. Лиандра замерла. Пряди тянулись к ней — нет, не к ней. К пространству вокруг неё. Они что-то искали. Что-то пробовали.

Лиандра вспомнила слова из отчёта: «воспринимает человеческую речь как разрушительный шум». Может быть, звук вообще для него — шум? Может быть, молчание — единственный способ?

Она стояла неподвижно. Дышала медленно. Старалась думать без слов.

Пряди остановились в полуметре от её лица. Замерли.

И тогда Лиандра сделала то, что делала всю жизнь. То, за что её называли одержимой, сумасшедшей, гениальной. Она заговорила.

— Я тебя слышу, — сказала она. Тихо. Мягко. — Я не знаю, понимаешь ли ты. Но я тебя слышу.

Эффект был мгновенным.

Существо дёрнулось. Пряди сжались, как от удара. Свет в пещере мигнул ярко, до боли в глазах, — и погас. На секунду. На две. Лиандра стояла в темноте, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. И ещё что-то — тошноту, поднимающуюся из желудка, слабость в коленях. Как будто слова вырвали что-то из неё самой.

Потом свет вернулся. Тусклый, дрожащий. Узоры на стенах исказились — линии спутались, сбились в узлы, как будто кто-то скомкал ткань. Существо снова сидело неподвижно, но

что-то изменилось. Его пряди больше не тянулись к ней. Они были прижаты к телу. Как будто оно защищалось.

Лиандра поняла.

Слова причиняли ему боль.

В ухе снова щёлкнуло.

— Доктор Веласкес? — голос Томаса, взволнованный. — Мы потеряли сигнал на две секунды. Что произошло? Доктор, ответьте!

Она не ответила. Не могла. Слова всё ещё жгли горло.

Она опустилась на пол. Медленно, без резких движений. Села, скрестив ноги, в трёх метрах от существа. И замолчала.

Она сидела так час. Два. Три. Свет медленно пульсировал, успокаиваясь. Узоры на стенах расправлялись, линии находили друг друга. Пряди существа постепенно разжимались. Оно снова начало ткать — осторожно, пробуя.

Томас вызывал её ещё шесть раз. Она не отвечала.

А Лиандра просто смотрела. И молчала.

Впервые за двенадцать лет тишина не была врагом. Она была чем-то иным. Чем-то, что нужно было учиться слушать.

Глава 3. Слова как оружие

Лиандра поднялась на поверхность через шесть часов. Шесть часов молчания, шесть часов неподвижности, шесть часов вглядывания в медленно пульсирующий свет. Она не заметила, как прошло время. Оно просто исчезло — как дыхание на холодном стекле.

В лифте она попыталась собрать мысли. Они разбегались. Она чувствовала себя так, будто побывала в комнате, где всё было расставлено по другим законам: где тени падали не в ту сторону, где звук имел цвет, а мысль — вес.

Когда двери лифта открылись, её ждали.

Томас стоял впереди, бледный, с чашкой кофе в дрожащей руке. За ним — трое: доктор Ирма Ковач, глава отдела ксенобиологии, её заместитель Рэй Санчес и — Лиандра не ожидала — сам директор станции, Хельмут Крамер. Высокий, седой, с лицом человека, который давно перестал удивляться чему-либо.

— Доктор Веласкес, — сказал Крамер. — Вы пробыли под землёй шесть часов без связи. Мы уже собирали спасательную группу.

— Я была занята, — сказала Лиандра.

Она услышала свой голос со стороны. Он звучал странно. Слишком тихо. Слишком ровно. Как будто каждое слово стоило ей усилия.

— Что вы там нашли? — спросила Ковач. Её глаза блестели — не любопытством, а чем-то более тёмным. — Существо? Артефакт? Оружие?

Лиандра посмотрела на неё. Долго. Слишком долго для нормального разговора.

— Ни то, ни другое, ни третье.

— Тогда что?

— Ткача, — сказала Лиандра. — Оно ткёт.

— Ткёт? — переспросил Санчес. — Что ткёт?

— Всё.

Крамер поднял руку, останавливая дальнейшие вопросы.

— Мы обсудим это утром. Доктор Веласкес, вам нужен отдых. И медицинское освидетельствование.

— Я в порядке.

— Это не просьба.

Медблок станции был стерильно-белым, пахнущим спиртом и пластиком. Лиандра сидела на кушетке, пока врач проверял её показатели. Всё было в норме. Почти. Кровяное давление слегка понижено. Температура на полградуса выше. Активность мозговых волн — необычная. Врач хмурился, но ничего не говорил.

Лиандра закрыла глаза.

Она всё ещё видела узоры. Даже здесь, в стерильной белизне медблока, она видела их: серебристые линии, сплетающиеся в бесконечные симметрии. Они двигались. Они ждали.

Она не рассказала о них. Ни врачу, ни Томасу. Почему? Она сама не могла ответить. Может быть, боялась, что не поймут. А может быть — что поймут слишком хорошо. И отберут это у неё.

Она открыла глаза. Узоры исчезли. Но чувство осталось. Чувство, что она что-то оставила там, внизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.